

4. Тихиня, В.Г. Правовая система Республики Беларусь и пути ее совершенствования: тенденции, проблемы, перспективы / В.Г. Тихиня // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 7. – С. 10-12.

5. Миклашевич, П.П. Совершенствование конституционного контроля – важнейшего способа обеспечения верховенства Конституции Республики Беларусь / П.П. Миклашевич // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 32-39.

6. Миклашевич, П.П. Совершенствование и перспективы развития конституционного контроля в Республике Беларусь / П.П. Миклашевич // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2009. – № 2. – С. 85-103.

7. Филипчик, Р.И. О роли Конституционного Суда в совершенствовании правового регулирования реализации гражданами конституционного права на судебную защиту / Р.И. Филипчик // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2005. – № 4. – С. 65-74.

Скобелев Владимир Петрович

К ВОПРОСУ О РАВЕНСТВЕ ПРАВ СТОРОН ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь, s_v_p@tut.by

Норма ч. 1 ст. 115 Конституции Республики Беларусь провозглашает, что правосудие осуществляется на основе равенства сторон. Данное конституционное правоположение нашло закрепление также в ч. 2 ст. 8 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, ст. 19 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), ст. 18 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК). Принцип равенства сторон применительно к цивилистическому процессу (т.е. гражданскому и хозяйственному судопроизводствам) означает, что обеим сторонам конфликта должны быть предоставлены одинаковые юридические возможности по отстаиванию своей позиции в суде. Гражданское процессуальное и хозяйственное процессуальное законодательства в целом достаточно последовательно проводят названный принцип. Вместе с тем и в том, и в другом процессах все еще присутствуют правила, способные привести к дисбалансу юридических возможностей сторон со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

1. Уплата государственной пошлины является одним из обязательных условий, которые необходимо выполнить при обращении в суд в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства. Несоблюдение данного условия влечет на стадии возбуждения дела оставление

искового заявления без движения с последующим (если госпошлина так и не будет уплачена) возвращением заявителю всех поданных им материалов (ст. 111, 248 ГПК, ст. 162, 163 ХПК). Однако применительно к более поздним стадиям процесса проблема решается на практике совершенно иным образом. В ч. 3 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2001 г. №7 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции» сказано, что в этом случае «вопросы, связанные с неоплатой или недоплатой госпошлины, должны разрешаться при вынесении решения». Аналогичного рода разъяснение закреплено и в подп. 5.7 п. 5 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 27 мая 2011 г. № 8 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства о государственной пошлине».

На наш взгляд, подобный подход нарушает принцип равенства сторон. Ведь возникновение и продолжение процесса по делу, по которому государственная пошлина не была уплачена в установленном законом порядке, есть предоставление истцу необоснованного процессуального преимущества (он получает доступ к механизму государственного принуждения без соблюдения одного из необходимых для этого условий), а в отношении ответчика – существенное ущемление его законных интересов (угроза государственного принуждения и необходимость несения затрат по отстаиванию своей позиции в суде становятся для него реальностью из-за процесса, который при должной внимательности суда на стадии возбуждения дела ни в коем случае бы не возник).

Кроме того, стоит учитывать, что если, несмотря на неуплату (недоплату) государственной пошлины, процесс продолжается, то тем самым истец получает от суда льготы по государственной пошлине. Но механизм предоставления судами льгот по государственной пошлине однозначно и четко регламентирован законодательными актами (ст. 285, 291 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), ст. 130–134 ГПК) и описанная ситуация в этот механизм совершенно не вписывается. Наконец, в ч. 4 п. 3 ст. 287 НК прямо указано, что «если государственная пошлина за совершение юридически значимых действий уплачена меньше установленного размера, производится доплата по ставке и (или) исходя из размера базовой величины, установленных на день обращения» (данное правило содержалось и в прежней редакции НК), т.е., другими словами, юридически значимое действие не может быть совершено, пока государственная пошлина не будет доплачена до необходимого размера.

Решение проблемы нам видится в том, чтобы дополнить ст. 165 ГПК и ст. 151 ХПК новым основанием для оставления заявления без рассмотрения: «заявителем не оплачена или не доплачена государственная пошлина». До того же момента, когда эти новации будут реализованы, выход из положения может быть таким: суду необходимо предлагать истцу уплатить (доплатить) государственную пошлину, а если истец этого не сделает, то оставлять заявления без рассмотрения, применяя по аналогии уже имеющиеся процессуальные нормы – п. 11 ч. 1 ст. 165 ГПК, абз. 16 ст. 151 ХПК.

2. Весьма сходна с описанной выше другая проблемная ситуация. Обнаружение судом на стадии возбуждения дела факта нарушения заявителем правил подсудности исключает возможность принятия заявления к производству: в гражданском процессе суд отказывает в возбуждении дела (п. 1 ст. 246 ГПК), а в хозяйственном – возвращает исковое заявление (абз. 3 ч. 1 ст. 163 ХПК). Однако обнаружение указанного факта позднее влечет уже совсем иные последствия: передачу дела в компетентный суд одностипной (т.е. экономической или неэкономической) юрисдикции (п. 3 ч. 2 ст. 51 ГПК, абз. 2 ч. 2 ст. 53 ХПК). Более того, Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З в ХПК (ч. 3 ст. 53) была включена норма, позволяющая передавать ошибочно принятые к производству (т.е. неподсудные) дела из судов экономической компетенции в суды неэкономического профиля, а Президиум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 6 постановления 30 ноября 2016 г. № 7 «О некоторых вопросах определения подсудности гражданских и экономических дел в системе судов общей юрисдикции» разъяснил, что передача дел по тем же основаниям возможна и в обратном направлении – из судов неэкономического профиля в суды экономической юрисдикции.

По нашему мнению, нормы о передаче дел из одного суда в другой по мотиву неподсудности нарушают принцип равенства сторон, т.к. несмотря на несоблюдение одного из условий реализации права на обращение в суд – подачи заявления в компетентный судебный орган – процесс продолжается (а не завершается), и тем самым истец получает, по сравнению с ответчиком, необоснованное процессуальное преимущество в отстаивании своих интересов. При передаче дел между судами различной юрисдикции сюда добавляются и другие проблемы: как решить вопросы, связанные с несопадением в гражданском и в хозяйственном процессах размеров ставок государственной пошлины и некоторых моментов, касающихся ее исчисления и уплаты; какое значение будут иметь действия, совершенные до передачи дела по правилам од-

ного вида правосудия, при продолжении рассмотрения дела по правилам совершенного другого процессуального кодекса и пр. В этой связи думается, что от норм п. 3 ч. 2 ст. 51 ГПК, абз. 2 ч. 2, ч. 3 ст. 53 ХПК можно вполне отказаться, введя вместо них в ГПК и ХПК новое основание для оставления заявления без рассмотрения: «заявление подано с нарушением правил подсудности».

3. В гражданском процессе неявка истца и неявка ответчика влекут совершенно разные последствия. Так, согласно п. 7 ч. 1 ст. 165 ГПК если истец, надлежащим образом извещенный о времени и месте судебного заседания, не явился без уважительных причин по вызову суда либо не уведомил суд о наличии уважительных причин неявки и нет его письменного заявления о разбирательстве дела в его отсутствие, а ответчик не требует разбирательства дела по существу, то суд обязан оставить исковое заявление без рассмотрения. Те же самые последствия предусмотрены и на случай неявки истца по делу о расторжении брака с той лишь разницей, что мнение присутствующего в заседании ответчика относительно необходимости продолжения рассмотрения дела значения не имеет (п. 8 ч. 1 ст. 165 ГПК). Данные положения продублированы в ч. 7 ст. 282 ГПК.

Если же в судебное заседание не явился ответчик, надлежащим образом извещенный о времени и месте судебного заседания, но не сообщивший об уважительности причин неявки и не просивший рассмотреть дело в его отсутствие, то суд с согласия истца вправе рассмотреть дело в порядке заочного производства (ч.6 ст. 282, ст. 334-1 ГПК). При этом ответчик сохраняет возможность отстаивания своей позиции как в суде первой инстанции (ответчик вправе подать в тот же суд заявление об отмене заочного решения, указав в заявлении на уважительность причин своей неявки и на наличие у него доказательств, способных повлиять на содержание решения суда (ст. 334-4, 334-5 ГПК), если указанные в заявлении обстоятельства подтвердятся, заочное решение будет отменено (ст. 334-6 ГПК) и дело будет рассматриваться дальше на общих основаниях (ст. 334-7 ГПК)), так и при апелляционном пересмотре (в соответствии с ч. 4 ст. 334-2, ч. 4 ст. 403 ГПК заочное решение может быть обжаловано в апелляционном порядке в том числе и ответчиком).

Приведенное регулирование демонстрирует явный дисбаланс процессуальных возможностей по отстаиванию интересов в пользу стороны ответчика. Очевидно, правила п. 7, 8 ч. 1 ст. 165, ч. 7 ст. 282 ГПК преследуют цель дисциплинирования истцов, повышения их ответственности за неявку в судебное заседание и зиждутся на той посылке, что если истец как инициатор судебного процесса не явился, то, по-видимому,

интерес к этому процессу он уже утратил. Однако, на наш взгляд, нормы п. 7, 8 ч. 1 ст. 165, ч. 7 ст. 282 ГПК предусматривают весьма суровые последствия, тем более что их наступление возможно и в случаях, когда суд вообще не располагает информацией о причинах неявки истца. Кроме того, нельзя забывать, что при оставлении заявления без рассмотрения истец безвозвратно утрачивает ту денежную сумму, которая была им уплачена в качестве государственной пошлины (ст. 292 НК не предусматривает возможности возврата государственной пошлины в такой ситуации). Потеряны будут и все процессуальные результаты, достигнуты к моменту завершения дела (например, по делу может быть проведена экспертиза, допрошено множество свидетелей, состояться несколько судебных заседаний, но если истец не явится хотя бы на одно последующее судебное заседание, процесс для него завершится с нулевым результатом).

В свете изложенного, полагаем, что истец должен иметь право на «второй шанс». Кстати, до внесения Законом Республики Беларусь от 4 января 2012 г. №337-3 (далее – Закон № 337-3) изменений в п. 7, 8 ч. 1 ст. 165, ч. 7 ст. 282 ГПК оставление искового заявления без движения влекла только повторная неявка истца, а п. 9 ч. 1 ст. 165 ГПК и в настоящее время говорит о повторной неявке обеих сторон спора как основании для оставления заявления без рассмотрения. Думается, что описанная проблема может быть решена несколькими способами: 1) возвращением правового регулирования к варианту, существовавшему до принятия Закона № 337-3; 2) дополнением ГПК нормой, которая позволяла бы суду по ходатайству истца отменять определение об оставлении заявления без рассмотрения по основаниям, предусмотренным п. 7, 8 ч. 1 ст. 165, ч. 7 ст. 282 ГПК, в случае представления истцом доказательств, подтверждающих уважительность причин неявки и невозможность своевременно сообщить о них суду (подобная норма уже имеется в ч. 3 ст. 223 ГПК Российской Федерации, и это при том, что речь там идет об отмене определения, вынесенного при вторичной неявке истца или обеих сторон спора); 3) дифференциацией всех оснований для оставления заявления без рассмотрения на обязательные и факультативные (подобно основаниям для приостановления производства по делу) с отнесением к числу последних тех, что сейчас закреплены в п. 7, 8 ч. 1 ст. 165, ч. 7 ст. 282 ГПК. Наверное, имеет смысл скорректировать в таком же направлении и правила хозяйственного судопроизводства, т.к. абз. 6 ст. 151 ХПК тоже предписывает суду оставлять заявление без рассмотрения при однократной неявке истца (заявителя).

4. Серьезные сложности связаны с обеспечением реального участия

в судопроизводстве тех физических лиц, которые ограничены в своих перемещениях ввиду пребывания в учреждениях пенитенциарной системы или иных местах с аналогичным режимом содержания. Более того, по ряду категорий гражданских дел заинтересованные лица априори находятся в тех или иных учреждениях закрытого типа, покидать которые они не вправе: арестных домах, исправительных учреждениях, следственных изоляторах, местах отбывания административного ареста (§6-1 главы 29 ГПК); лечебно-трудовых профилакториях (§6-2 главы 29, ст. 393-11, ст. 393-12 ГПК); организациях здравоохранения на принудительном лечении (ст. 392-1, 393 ГПК); специальных учебно-воспитательных или лечебно-воспитательных учреждениях (§11 главы 30 ГПК).

Вместе с тем в гражданском процессуальном праве (равно как и в специальном законодательстве – о порядке исполнения наказаний и т.п.) не урегулировано, каким образом лица, пребывающие в названных выше учреждениях, могут принять личное участие в судебных разбирательствах. Лишь в отношении отдельных категорий дел в ГПК можно встретить указания о том, что дело должно (ч. 3 ст. 393-7 ГПК) или может (ч. 5 ст. 358-2, ч. 2 ст. 358-5 ГПК) рассматриваться с участием такого лица, хотя сам механизм взаимодействия между судом и учреждением закрытого типа по поводу обеспечения явки в судебное заседание соответствующего лица нигде не прописан. В итоге по общему правилу лицо, находящееся в учреждении закрытого типа, в судебном заседании не участвует, в лучшем случае его интересы в суде отстаивает представитель. Существующий порядок вещей значительно ухудшает положение лиц, содержащихся в учреждениях закрытого типа, по сравнению с лицами, находящимися «на свободе».

5. К нарушениям принципа равенства сторон могут привести действующие в гражданском процессе правила исчисления срока на апелляционное обжалование (опротестование). По смыслу ч. 1 ст. 403 ГПК для лица, заявившего требование о составлении мотивировочной части решения после его вынесения, срок на обжалование (опротестование) начинается свое течение со дня вручения лицу данной части решения. Тем самым указанное лицо получает неоправданное преимущество в оспаривании решения суда, т.к. для всех остальных участников процесса срок на обжалование подлежит исчислению со дня постановления решения. Кроме того, заинтересованное лицо может с легкостью злоупотребить своим правом: не имея в действительности намерения оспорить решение, лицо (чаще ответчик) может заявить требование о составлении мотивировочной части только для того, чтобы задержать вступление

решения в законную силу более чем на месяц, причем ситуация серьезно усложнится, если окажется, что судья, который рассматривал дело и теперь обязан составить мотивировочную часть решения, заболел, уволился или вообще умер. Поскольку апелляционный срок подлежит исчислению с момента именно вручения мотивировочной части решения, то возможно злоупотребление и другого рода: лицо может попросту уклоняться от вручения ему мотивировочной части решения, не позволяя решению вступить в законную силу (ведь если право на обжалование (опротестование) сохраняется хотя бы за одним из субъектов процесса, решение вступить в законную силу не может).

Старовойтова Людмила Владимировна
**СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА
ПОТРЕБЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ**

Доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь, polit_bsu@mail.ru

Проблемы эффективности государственного управления приобретают особую актуальность в условиях сложных процессов мирового экономического развития, возникающих финансово-экономических кризисов, нарастающей неустойчивости мировой политики, массового распространения электронных информационно-коммуникационных технологий, расширяющейся открытости государственных границ. Все эти процессы являются «вызовами» для управленческой практики национальных государств при определении направлений экономической и социальной политики и их практической реализации. Особая нагрузка ложится на социальное государство как носителя реальной социальной политики и как целеполагающий конструкт, социальный идеал общественного состояния, ориентированный на справедливость, равенство, высокий уровень и качество жизни для всех слоев населения. Основное содержание социальной политики, ее компетенцию «можно интерпретировать как выделение приоритетных направлений общественной опеки, соответствующих конкретному времени и обстоятельствам» [1]. Существенным «вызовом» для достижения такого идеала и реализации функций социального государства в условиях современных глобальных и национальных проблем экономического развития является сформировавшееся «общество потребления», в котором массовые ценностные установки людей ориентированы на высокие символические стандарты потребления.